

Виктор БИРЮЛИН

г. Саратов

ВПЕЧАТЛЕНИЯ

Спокойнее, спокойнее, господа...

Мой сад – это моя личная территория счастья. Поздравляю, душа моя! Зацвели сирень и вишня. По дороге встретили красавца удода: чёрно-белого, с высоким хохлом, длинным клювом, осмысленным и гордым взглядом.

В жизни всё просто. И чем проще, тем сложнее. И розу можно превратить в колючую проволоку, если не любоваться её роскошными цветами, не обонять её тонкий аромат, а мять её стебель жадными руками.

Над Волгой зависла огромная красная луна. Дачников ещё мало, обволакивает тишина. Потянуло свежестью и ароматом первых цветов.

Если слушать каждый день чириканье своего дворового воробья, то воробьём, конечно, не станешь, но человеческого в тебе прибавится.

Центр майского сада – распускающиеся бутоны старые яблони. Вокруг цветущего мальта – жужжащий мешок из пчёл.

Оказывается, я уже не могу бегать и прыгать козлёнком. Просто не получается.

В зарослях за дачей щёлкают соловьи. Действительно, есть что-то колдовское в их завораживающих коленцах. Невольно задумываешься о свиданиях при луне.

И всё-таки в саду я по-прежнему наступаю на букашек.

Можно дожить до такой старости, что проснуться однажды утром и долго соображать: кто же я, мужчина или женщина? Бабушка жены так и спрашивала, проснувшись, у дочери: «Люба, а кто я?» Тёща и её сестра, рассказывая об этом, смеялись, а потом плакали.

Давно уже нет никого.

В летнем саду после дождя воздух свеж до одурения.

– Эх, друг! Твоей семье не нужны очередные раскаивания, слёзы и объяснения в любви. И жене, и дочери нужно одно – чтобы ты бросил пить и не мучил их больше.

Умирать не страшно. Страшно умереть.

Флоксы, оказывается, пахнут – тонко, дурманяще.

Гости попросили показать им жука-оленья. Нашёл на дубе парочку. Снял недовольно ворочающего лапами и рогами самца, показал гостям. Потом опять водрузил его на самку. Он тут же успокоился и занялся делом.

Большие идеи в маленьких руках могут стать кошмаром.

Диктатура – власть негодяя. Демократия – власть негодяев.

Откуда берутся порядочные старики? Да из порядочных молодых людей, порядочных взрослых, пожилых людей. Больше неоткуда. Прожитые годы сами по себе порядочности не прибавляют.

Представим себе, что Адам и Ева не съели плода от дерева познания добра и зла.

Познание истины не меняет жизни. Но может изменить нас.

Деревьёв, как и люди, уходят, и как будто их не бывало.

Большой бело-серый кот взглянул в нашу сторону и отвернулся, спокойно прошествовав своим путём.

Общались с ящерицей. Она грелась на куче мелкого хвороста у навоза. Живо ворочала головой, разглядывая меня безо всякой боязни, хотя я брал лежащие рядом с ней дрова, шебаршил тем же хворостом. Встрепенулась и убралась вниз, когда я хворостинкой стал поглаживать её по спине.

На земле гул стоит от обличителей. Они обличают всех и вся, кроме самих себя. Поэтому и толку нет.

Наблюдал, как паучок на кухонном стекле обрабатывал попавшую в его сети маленькую осу: спокойно, умело, смертельно.

Чудная ночь! Молодой месяц слева за дубами красуется, сверчковый хор старается, свежо и тихо. Вокруг сад родной, доверчивый.

Яблоки на зелёной траве не меньшее чудо, чем яблоки на снегу.

Спокойнее, спокойнее, господа...

Ветка мукузани стелется по кирпичной стене, ухватиться ей не за что. Но один усик пролез в точечную щёлку на стыке кирпичей, за что-то там уцепился и держит собой ветку.

У кустов смородины с созревшими ягодами тревожный вид. Ягоды не собраны, вдруг с ними что случится? Но вот ягоды собраны. И кусты успокоились. Они сделали своё дело. Вырастили урожай и сдали его. Теперь они свободны. Можно и осмотреться.

И всё-таки трудно понять не голодного, а сытого человека, любующегося красавцем оленем, а затем хладнокровно его убивающего.

Если вдруг узнаешь обо всём, что творится вокруг под знаменем зла, то завоешь волком и будешь выть им до самой смерти.

Вечером, перед тем как отнести с улицы противни с нарезанными яблоками для дальнейшей суш-

ки на лоджию, стал их ворошить, чтобы избавиться от муравьёв. Одни и в самом деле поспешили за борт. Другим понадобилась подсказка – слегка подтолкнул их. Но некоторые не торопились, прятались. Пришлось их вышвырнуть. Кому-то досталось, кто-то и в муравьиный рай отправился.

На следующий вечер приготовился повторить процедуру. Но все муравьи очень шустро покинули противни, ведь теперь они точно знали, чем для них всё это может закончиться.

На подобные согласованные действия люди не способны – среди них всегда найдутся бестолковые или нерасторопные.

Пока комара не прихлопнешь, он будет жужжать.

Животные тоже ведь смотрят на небо. Что они видят? Что значат для них облака, солнце, луна и звёзды?

Вечером случилась незапланированная баня. Заехал Ванюшка, а за ним Кирилл. Попарились, поговорили с нами за чаем. По очереди, уже затемно, и уехали.

Уныние – грех, но данный же человеку, пусть и на испытание. И нечего его чураться. Хотя и гордиться здесь тоже нечем.

Хочу на Марс!

Как бы так нажиться, чтобы не бояться смерти.

Эх, господа, да перестаньте же наконец подражать павлинам, распуская свои воробьиные перья!

Так и живём – по уши в грехах, но с мечтой о справедливости.

Новый дракон интереснее старого.

Про другие народы не знаю, но мы, русские, владеем потрясающим умением искренне увериться сначала в одном, а потом в другом, пусть даже противоположном.

Обида жжёт нам душу до последнего вздоха.

Наглый, дерзкий человек не только оскорбляет и унижает других. Он выявляет сильных, а главное, мужественных людей, способных дать отпор.

Глупые, смешные люди – живут нечестно, суеются, забывают о душе и хотят при этом быть счастливыми.

У маленького кулича ценою в хлебный лоток запахи перебиваются запахом денег.

Представим, что все люди стали масонами. Тут же среди них станут создаваться новые тайные общества.

Разве Библия говорит правду?

Все озабочены продлением человеческой жизни. Ах, люди могут стать бессмертными! А зачем?

Как ни старайся не осуждать других, всё равно осудишь.

Чем власть денег лучше постоянного окрика?

Душу одинаково давит и то, и другое. И то, и другое рождает чудовищ.

Что возбуждает талант? Всё.

Увы, но можно верить в Бога и быть при этом негодяем.

Нужда – враг счастья. И нечего здесь мудрить.

Бог творил земной мир молча.

Душой оркестра является дирижёр, то есть тот, кто не играет ни на одном инструменте, а только беззвучно разводит руками.

Ни с эволюции ничего не спросишь, ни с Бога. Кто на земле прав? Кто виноват? Люди живут на свой страх и риск. И никому они по-настоящему не подотчётны.

Для большинства населяющих землю существ человека по-прежнему не существует.

Зачем беспокоиться о будущем человечества? Оно известно.

Какая разница муравью, кто его раздавит – Джек-потрошитель или Иисус Христос?

В старом саду лежал как-то под кустом чёрной смородины и разглядывал синее бездонное небо. Почувствовал себя затерянным, случайным на земле. Но душа этому чувству не воспротивилась, ей стало легко, спокойно.

Старый шимпанзе выражал свою поддержку нуждавшимся в ней молодым самцам непередаваемо человеческим жестом – клал руку на плечо, держась сбоку и немного сзади.

Большая Медведица смотрит из космической дали на мой сад.

Когда лежишь под яблоней, то с удивлением замечаешь, насколько её срединные ветви устремлены прямо в небо. И при этом она создаёт плотную тень, крайние нижние ветви достают земли. Там и тут бросаются в глаза созревающие плоды. Они падают первобытно, без малейшего внимания к тому, что творится вокруг них.

Летний зной, растения оцепенели, а на аморели живое порханье, писк и щёлк кормящихся спелыми ягодами пичужек.

Зацемило в душе – вот так же, как я с ним, и Ванюшка, может быть, со своим сыном будут что-то мастерить на даче, есть за одним столом, философствовать. Как же это будет? О чём они будут говорить? В этом саду или другом?

А где буду я?

Анна Ахматова заметила, что к путешественникам Модильяни относился пренебрежительно. Он считал, что путешествия – это подмена истинного действия. Модильяни относился к путешественникам, как я к туристам. По мне, так туризм – это одно из проявлений человеческой суеты,

удовлетворение праздного любопытства. Многие люди бегают по планете, восхищаются чужими садами, оставляя свои в небрежении.

Пара лесных диких голубей опустилась на свежескопанную землю, чтобы покормиться. Не пёстрые птицы, так, серо-пепельные со скромным белым ожерельем. Но осанка, гордый взгляд. Уверенные в себе, спокойные птицы. Во всём внешнем облике и поведении видна порода.

Объявилась прошлогодняя серо-белая кошка, заматеревшая, но с тем же синим бантом на шее. Заметив меня, затаилась за коряжиной на тропинке соседского двора. Несколько минут мы рассматривали друг друга в упор. Я с улыбкой, она, настороженно водя глазами за моими движениями.

Скворчата вывелись, семья летает вокруг скворечника, порхает по соседним дубам, спускается на грядки, в малинник. Соловей уселся на проводе возле столба наверху и поёт, широко раскрывая свой маленький клюв, поглядывая на заходящее солнце.

Соседка опрыскивает какой-то химической гадостью сорняки и уверяет, что через пару недель они, согласно инструкции, исчезнут, поскольку через листья и стебли в корни поступит команда: «Отсохнуть!»

Засмотрелся на куст цветущей красной смородины. Наверху работали пчелы. По стволам бежали муравьи, забирая сок у пасущихся под нежными листьями зелёных тлей. Самими тлями интересовались многочисленные божьи коровки. Хватало вокруг и других жужжащих насекомых, садящихся на куст и взлетающих с него. Некоторым это не удавалось – попадались в сети тут же деловито хлопчущего паучка.

Люди в старости приходят к Богу, а я пришёл к винограду.

В сумерках переглянулся с серым котом возле дров. Он меня увидел первым, но лежал на земле внешне спокойно. Правда, когда я сделал движение рукой, дёрнулся было в сторону. Но я убрал руку, присел на корточки, поговорил с ним. Он выслушал меня с молчаливым достоинством.

Добрый дятел решил поднять моё настроение и выдал несколько бодрых трелей по торчащему сухому суку.

Хотелось бы услышать не прописную истину.

Поранил палец острейшим японским кухонным ножом. Хлынула кровь. Жена стала ругать нож. Посоветовал ей ругать уж сразу японцев, которые вот такими ножами, видно, собираются отрезать себе Курильские острова.

Сад и толпа несовместимы.

У космоса для нас два приказа: «Живи!» и «Умри!» Ослушаться невозможно.

Серый воробей уселся на ветку. Что он видит с неё?

Первым человеком, сказавшим: «Мир катится в пропасть», был, конечно, Адам. Он сказал это Еве, как только они переступили порог Рая, ступив на грешную землю.

Бывает, что приходится прислуживать самому дьяволу, но не обязательно при этом пускать его к себе в душу.

Стемнело. Взял дубовый посох, походил по саду. На патриарха походить от этого не стал. Но в самом посохе всё-таки есть что-то древнее, непреклонное. Жаль, что образ путника с посохом в руке в наши дни нелеп.

Бабочки, пчёлки, мушки, птички – все легко порхают в саду. И только хозяин тяжело ходит по дорожкам. Но душа его порхает вместе со всеми. Трудно человеку совместить каждодневную борьбу за существование с любовью к садовым птицам, красоте цветов и неба. Но надо, друг мой, надо.

Вечером маленький орешек вдруг начинает трепетать двумя ветками, остальные остаются спокойными. Избранные ветки треплет воздушный ручеёк, самостоятельно путешествующий в общем воздушном потоке, овеивающем мой сад.

Бак, из которого поливал тёплой водой огурцы, продолжаю регулярно доливать до краёв. Птицы слетаются к нему на водопой. Пьют из него и хвостатые путешественники, например, рыжая кошка, которая ещё и спать приладилась под старым розовым пионом.

Вперёд! Но куда? Вокруг человека в любую сторону «вперёд».

Волга катит к берегу зелёные барашки, оставляя на нём густую белую пену. Речная вода кажется нашпигованной ряской. Но, когда зачерпываешь, в пригоршне находишь лишь несколько тёмно-зелёных точек.

Корнями виноград тянется к сердцу земли, побегам вьётся к солнцу, при этом он вращается вокруг своей оси. Если поставить палец перед ещё не нашедшим опорой виноградным усиком, то он обовьёт его – крепко, с доверием. Твой палец станет как бы частью виноградной лозы.

И без людей тошно, и с ними невесело.

Как и многие, я ощущаю себя человеком прошлого и даже позапрошлого века. Ну и что?

Кто-то скрипит-свиристит на помидорном кусте перед беседкой. Сколько ни высвечивал фонарём, никого не заметил. Лягушка? Сверчок? Жук? Осталось загадкой.

У пожилых людей на лицах следы былой красоты. Они похожи на увядшие в саду цветы. Или увядшие к осени цветы похожи на пожилых людей со следами былой красоты на лицах.

Иногда как-то особенно остро, обнаженно понимаешь, что уже не будет другой жизни.

По дороге в сад услышал курлыкание. Поднял голову, а в небе надо мной сразу три журавлиных треугольника, слегка размытых. Большие птицы подлетали к Волге устало, изредка перекликаясь.

Приятель примчался весной на дачу и с ходу принялся ёмкость чинить, мусор выносить, зелень сажать. К вечеру приехала соседка, спрашивает: «Как у вас абрикос-то, цветёт?» Бедный мой приятель чуть в грядку не упал. Впервые за день поднял глаза, а над ним синее небо, цветущий абрикос, птичий щебет.

На земле живёт семь миллиардов людей, желающих одного и того же: чтобы мне, моей семье было хорошо.

На моих глазах трясогузка схватила упавшую на бетонную площадку зелёную гусеницу и с ловкостью фокусника, слегка подкинув её, тут же проглотила, несколько раз «пожевав» клювиком.

Жду свата, по нашей июньской традиции. Мангал заправлен и ждёт только спички. Вино из погреба вынесено. Зелень для салата вымыта. Я приоделся. Что ещё нужно для встречи дорогого гостя? Едва выгрузили привезённое в беседку, как начался ливень – с громом, потоками воды. Под зонтами упрямо перетаскивали из дачи посуду. И правильно сделали. Пир начался уже под лёгкое постукивание дождя по крыше беседки, а завершился под щедрыми солнечными лучами, весело осветившими покрытые каплями листья.

Бог умрёт с последним человеком на земле.

Есть ли такая кнопка – нажал и успокоился? Есть. Я знаю даже несколько таких «кнопок». Но они не всегда под рукой, не всякий раз до них дотянешься.

Зашла в гости молодая приятельница, переехавшая в Москву, в которой, по её словам, работу не задумываясь ставят выше любви.

– Как жизнь?

– Прошла.

Водяная змейка заметила меня раньше. Подплыв к берегу, она высунула точёную головку, выжидая. Остановился понаблюдать за ней. Но оказался нетерпеливее, ведь мне ничто не угрожало, и брызнул на неё ногой. Она тут же устремилась вглубь, грациозно извиваясь. Такого движения человеку не повторить, да и всем его многочисленным млекопитающим братьям.

Всю жизнь пробиваешься к свету в конце тун-

неля. Вот наконец забрезжило. Приглядишься, а это завиднелись очертания кладбища. И место незанятое проступает всё отчётливее.

Яблоко, рождённое яблоней на съедение, не может не благодарить её за два-три восхитительных летних месяца, наполненных солнцем, ветром, живительной влагой, чувством созревания.

Развёл костерок. Мысли вновь заплясали огоньками. Например, многих удивляют совпадения в судьбах людей. Но ведь все наши самые невероятные совпадения сущие пустяки по сравнению с нескончаемой чередой совпадений, приведших к появлению земной жизни и продолжающих её поддерживать.

Или мы привычно говорим, что о нации судят по лучшим её представителям. Но разве на самом деле о нациях мы судим не по тем её представителям, какие уж нам волей случая попались на пути? Отсюда такое разнообразие мнений обо всех нациях без исключения. И нет единого мнения ни об одной. А в конечном счёте каждый из нас отвечает и за лучших, и за худших своих соплеменников.

На верхней ветке дуба кукует кукушка. Заметив меня, замолчала. Потом снялась и полетела дальше со своим волнующим то звонким, то глухим «ку-ку». Мир, когда кукушка замолкает, становится совсем другим. Его охватывает неожиданная тишина. «Ку-ку», и сразу тишина.

Эх, господа, радуйтесь, пока живы!

На Волге тихо. Квакают лягушки в камышах. Возле берега носятся стайки мальков. Дворняжка бегаёт по берегу, вынюхивая себе еду. Усатый с добродушным взглядом дядька в панаме ловит на удочку краснопёрок. Споро и спокойно прошёл между островом и берегом буксир. Пригнал мощную волну, которая обрушилась на берег. Эти волны от моторных лодок и пароходов памяты с детских лет. Мы всегда с нетерпением ждали их приближения, чтобы с радостным визгом броситься на них.

Утро не бывает недобрим. Недобрими встречаем его мы.

Истина не рождается в споре. И в вине её не найдёшь.

Умер Нил Армстронг, сказавший, что люди не прикованы к земле.

Верующий и неверующий смотрят друг на друга с одинаковым сожалением.

Небо в звёздах – не самая ли надёжная и роскошная крыша над головой человека? И что может быть хуже неурочного ночного телефонного звонка? Прежде чем возьмёшь трубку, в аду побываешь.

За сад! За жизнь! За жизнь в саду!

Вид недостроенных и заброшенных дач вызывает печаль.

Чуть свет разбудила всё та же кукушка, которая здесь, видно, вместо будильника. Вслед за «ку-ку» раздалось первое попискивание, чириканье. Кукушка, между тем, летала по окрестностям, голос её становился то глуше, то вновь возвращался с прежним деловым и отчётливым «ку-ку».

Говорят ещё, что путешествия развивают ум. Но вот, например, вороны, в отличие от большинства птиц, вообще никуда не улетают со своих дворов, однако слывут мудрыми. Правда, птицы не люди, с этим не поспоришь.

Пришло время убрать старый синап. А на душе неуютно, совестно. Сколько зим наслаждался его плодами. Но яблоно не отправишь на покой, как боевого коня или заслуженного сторожевого пса. Рядом разрастается молодая яблоня, и она требует своего.

В обед мимо дачных ворот прошла на пляж живописная группа с пиками из камыша. Малышка-дошкольница, бравая бабка и мужчина, заплетающий на ходу косичку на голове. Шли мерно, спокойно, только малышка в нетерпении скакала и спрашивала, где же Волга?

За баней в малинике наткнулся на большого ежа. Он меня, видно, тоже не ожидал. Просто сидел и терпел, пока я его пару раз погладил по иголкам.

Копать яму лучше одному. Копаешь и копаешь. Размышляешь потихоньку обо всём, что в голову придёт. Никто не мешает. Ни копать. Ни размышлять.

У человека много магнитов, но самый главный, как ни крути, это его ум. Он настолько притягателен, что забываешь, кому он принадлежит – доброму или злому человеку, красивому или с обычной внешностью, мужчине или женщине, верующему или нет, не говоря уже о национальной принадлежности.

Нашёл себе милое занятие: сижу в предбаннике у печки, подкладываю дрова и жду, когда они прогорят. А вот и дождь перестал. Небо просветлело. Тучи разошлись на отдельные пятна.

И все были довольны

Идём с Тимой по замерзающему городскому парку развлечений и отдыха. Ладони у внука тёплые даже без варежек. Он постоянно напевает песни. Порой самые неожиданные. Например, «Катюшу». От начала до конца. Ему на днях исполнилось всего три года, но уже не всякий взрослый угонится за ним, подвижным, любящим шумные игры. К тому же не у всех есть музыкальный слух и цепкая память. И далеко не каждый

умеет так улыбаться и смеяться, что у всех окружающих сразу поднимается настроение.

Ребёнок – это свободный человек, несмотря на нерасторжимую связь с родителями. Он дышит свободой как воздухом. И делает что хочет.

На вопрос: «Как жизнь?» внук отводит руки в стороны и отвечает: «Прекрасна!» По его весёлым глазам, удовольствию, с которым он совершает это движение, видно, что он точно понимает смысл и вопроса, и жеста, и утверждения. Ему и в самом деле хорошо.

Из светлой полосы на краю заставленного домами городского горизонта робко выглядывают солнечные лучи. Подошли к ещё не скованному льдом пруду. Покормили толпящихся здесь в ожидании подношений птиц. Утки осторожны – подплывают к корму, когда отходишь от берега. Воробьи пытаются схватить хлеб на лету. А голуби просто лезут под ноги, под руки. Тима не поспевал за движениями всех этих шустрых пернатых обитателей парка, но настойчиво кидал в воду кусочки и крошки от батона, пока пакет не опустел.

Чувствую себя одним из Тиминых корней, уже испытанных временем. Слава богу, у него полный набор бабушек и дедушек, есть и прабабушки, прадедушка. Чего не было у меня, знавшего одну только бабулю, простую деревенскую женщину, запомнившуюся кротким характером и спокойным отношением как к жизни, так и к смерти.

Человеческие корни совсем не отвлечённое понятие. Они так же ощутимы, как и корни деревьев. И чем они разветвлённее, крепче, тем крепче и мы в ураганной нашей жизни. Будем сгибаться до земли, но не сорвёмся, останемся на своём родном клочке. В отличие от деревьев, мы можем осмотреть свои корни, оценить их, призадуматься. Впрочем, как знать, может, на это по-своему способны и деревья.

Подошли с Тимой к большому развесистому дубу. Подал ему заранее приготовленные для белки очищенные от скорлупы грецкие орехи. Постучали по стволу. Белка тут же высунула с другой стороны свою весёлую мордочку, осторожно спустилась вниз, ещё осторожнее взяла корм из рук затаившего дыхание Тимы и стрелой поднялась вверх.

Потом подошли к вётам, набрали сухих гибких веток, и Тима стал махать ими как саблей, ловко сбивая редкие желтые листья. По другому деду он, кстати, казачьей криви.

Вокруг аллеи расставлены деревянные скульптуры зверушек. На «диком кабане» Тима с удовольствием посидел, болтая ногами.

На очереди у нас осмотр замерших в ожидании весны разнообразных детских аттракционов.

Вспомнилось, как летом, увидев Сёмку, глиняного кота, не в квартире, а восседающего на столе в садовой беседке, Тима не придал перемене значения. Он ехал в сад, чтобы пообщаться с живой Аськой. Она пришла, угостилась сушёной рыбкой и в благодарность разрешила с собой поиграть. И Тима поиграл с ней от души! Он её гладил, причём по частям, видя равные достоинства и в голове, и в хвосте. Рвался её поцеловать. Попытался катать с ней грузовичок с песком, отчего она спряталась под настоящую машину. Но вскоре вышла, растянулась на травке, и все были довольны.

Незаметно за делами и разговорами обошли весь парк и направились к дому.

Уже перед самым выходом на катке неожиданно раздалась песня из мультфильма «Ну, заяц, погоди!». Тиму это удивило, и он тут же горячо поделился полученным впечатлением:

– Иду, иду, и вдруг: «Снегурочка, где была?» Я прямо опешил!

А я опешил от его слов.

Между тем погода поменялась – небо затянулось тучами, в воздухе появились снежинки, начало подмораживать. Проверил Тимину одежду – всё на месте, только варежки почти соскочили. Не беда, ладони у него всё равно тёплые.

Запах чернослива

Господи, какая же это роскошь – душистое, терпкое домашнее сухое красное вино! Подобно благородному скакуну, оно требует бережного ухода. Например, его следует по мере необходимости сливать с осадка.

Каждый раз сомневаешься, может, подождать? Середина ноября. Вину почти два месяца. Осадок есть, но до опасного уровня ещё не дошёл. В рыхлое, на вид маслянистое образование на дне сосуда выпадает всё плохое, что содержится в зреющем вине. И как всё плохое в нашей жизни, оно не успокоится, будет исподволь отравлять божественный нектар, пока не превратит его в уксус. Так что чем его меньше, тем лучше. И поэтому солью с осадка вино без колебаний.

Осторожно, чтобы не потревожить, поднимаю две десятилитровые бутылки с вином урожая этого года из погреба в дачной кухне. Водружаю по одной на табурет, возле которого стоит таз с пустой бутылкой. Таз для того, чтобы пол, если что, не залить, ну и чтобы добро в таком случае не про-

пало. Налаживаю нехитрый процесс переливания, немножко хлебнув, не без этого.

Когда сидишь на корточках и смотришь, как тоненькой струйкой стекает по прозрачной трубке чистое вино, невольно начинаешь заниматься главным человеческим делом – размышлять. И те несколько глотков, которые уже понесли к твоему сердцу, веселя и очищая кровь, только добавляют этому занятию оборотов.

Моё молодое вино имеет ярко выраженный вкус и запах чернослива. Он уже даёт о себе знать, потихоньку заполняя воздух. Через несколько лет винный букет станет сложным, доступным только знающим людям. Это водка состоит из спирта, воды и желания выпить эту безвкусную смесь. А вино – из душевного подъёма, тонких ощущений и радостных предчувствий. Доброе вино украсит любой пир, где не злословят, не напиваются, а наслаждаются жизнью.

Между тем очищенное вино потихоньку перелилось в новую бутылку. Добавляю немного, чтобы было всклень. Это очень важно, поскольку для изысканного напитка губительно соприкосновение с грубой воздушной средой. Плотно закручиваю крышку. В конце марта ещё раз солью с осадка.

Время для созревания и время для наслаждения.

Красота в сочетании с умом поражает в самое сердце. Вино веселит его, не даёт черстветь. Оно дарит улыбку, которая освещает лицо человека, приукрашивая его черты и даже внутренние достоинства. Как и любовь, вино дарит радость и грусть. В этом его очарование, поскольку людям нравится и то, и другое.

Вино можно и не сливать раз за разом с осадка. Промышленные фильтры умельцы приспособляют и к домашним условиям, избегая тем самым лишних хлопот. Но тогда вино остановится в своём развитии, не достигнет совершенства – всего богатства цвета, аромата и вкуса.

А разве не в этом цель нашего земного пути?

Один из родоначальников модернизма воскликнул: «Если художник сказал, что это искусство, значит, это искусство!» В наше время любой может крикнуть, что если он сказал, что это песня, значит, это песня. Ведь никто никому не указ. А вот «я сказал, что это вино, значит, это вино» не пройдёт. Искусство завораживает, склонно к обману. Вино никого не вводит в заблуждение и говорит только правду.

Вот уже и вторая бутылка наполнена и спущена в погреб. Люк закрыт. На дачной кухне ещё витает слабый запах чернослива.

Крест Бабича

Этот небольшой участок земли вдоль волжского обрыва давно привлекал моё внимание. Диковатый на вид, заросший жёсткими цепкими степными цветами вперемежку с вихрастым ковылём. С одной стороны его ограничивают дачные постройки. Другой он выходит к окраинам старинного села Хмелёвка. Напротив, через дорогу, зеленеет большое ухоженное Хмелёвское же кладбище.

Но с десятков старых крестов, пошатнувшихся ржавых оградок есть и на участке. Один крест на самом краю обрыва виден издали. Подошёл к нему. Железный православный крест с кружочками на семи концах. Внизу – большая табличка из нержавеющей стали. На ней свежая гравировка:

БАБИЧ ЯКОВ ВАСИЛЬЕВИЧ

5.01.1863 – 27.02.1936

Под моими ногами, всего-то копнуть несколько раз, лежали останки человека, увидевшего свет полтора века назад. Ворохнулось в душе. Судя по датам, воевать Бабичу вряд ли пришлось. Разве только в гражданскую. Но вот голодать на своём немалом веку наверняка приходилось.

Чем же ты занимался, Яков Васильевич? Рыбачил? Огородничал? Хлеб сеял? Богато жил или бедствовал? Хорошая ли у тебя жена была? И работающие ли дети? Очень хочется верить, что жил ты, может, и не без греха, но по-человечески, как всем нам заповедано. Трудился не покладая рук, встречал, как положено, праздники, заботился о семье. Одним словом, пользовался благом, когда везло, и терпел, когда приходили несчастья.

Поэтому тебя и не забывают. Вот и табличку обновили, и цветы бумажные не чужие же люди принесли. Значит, род твой продолжается.

И тут только пришло в голову, что этот сиротливый уголок земли был когда-то обычным кладбищем. А бугорки, по которым так неудобно ходить, – остатки могил.

Судя по всему, кладбище было устроено на высоком берегу, как и сама Хмелёвка. Скорее всего, участвовавшие оползни вынудили хмелёвцев перенести его подальше от обрыва. Потом старое и новое кладбища разделила дорога. И оставшиеся на краю могилы оказались предоставлены сами себе.

Закрапал собиравшийся с утра дождь. Но я побродил между уцелевших надгробий, прочитал надписи, где они сохранились. На самом старом кресте

просматривалась иконка Божьей Матери. На нескольких крестах уцелели фотографии. Один огорожен новыми блестящими цепями. Но большая часть крестов и пирамидок со звёздами клонится к земле.

Проглянуло наконец солнце сквозь скопившуюся небесную хмарь. Горячие невидимые лучи вновь обласкали всё живое. Ещё раз оглядел участок, редкие ограды и крест Бабица. Подумалось, а хорошо бы, если через сто лет и мой будущий крест так же упрямо смотрел в небо.

Яблони в Буркино

Как же приятно зайти в гости к друзьям, коротающим лето в загородном саду. Не важно, что путь к нему лежит через поле длиной в четыре километра. И небо с утра хмурится, того и гляди заморосит. Дорога ровная. Вокруг разноцветье и разнотравье. Глаза радуют растущие вдоль обочины знакомцы – синий цикорий, нежно-розовый татарник, ярко-жёлтая пижма, шёлковые белёдые метёлки ковыля... И появившийся кружочек солнца среди облаков выглядит окошком в иной, но вряд ли лучший мир.

В конце пути дорога пошла в гору. Открывшаяся взгляду широкая долина и её склоны покрыты густыми грибными лесами вперемежку с дикими лугами. По ним ещё стелется утренний туман. Перешёл на другую сторону холма и увидел наконец Буркино. Внизу рассыпались разноцветными кубиками дома дачных посёлков. На улочках тихо. Поверх заборов свешиваются зреющие плоды.

Тем временем облачная пыль опять завесила солнце, где-то и погромыхивает. Но я уже у заветной калитки. Хозяйка с дочкой радушно её открывают.

– Как добрались?

– А вы как поживаете, сударыни?

По заведённому ритуалу вначале последовал осмотр сада. У моих друзей он немного небрежен, не по линейке рассажён, как, впрочем, и все наши сады, но изобилует на удивление. Меня встретили целые поляны цветов с розами и рододендронами во главе. В ушах зашелестели тамариск, гибискус, жёлтая лапчатка и другая для меня экзотика. Тут и там бросались в глаза земляничные, помидорные и овощные гряды. Мы долго блуждали среди вишен, слив, абрикосов, алычи, груш, орехов, виноградных шпалер, кустов смородины, крыжовника, барбариса, декоративной туи, можжевельника и даже черёмухи, сосен и берёз!

Но царствовали в этом привольном садовом мире всё же яблони. Без них любой сад выглядит пусто-

тым. Здесь они встречались на каждом шагу. У некоторых кроны уходили, казалось, в самое небо. Их необъятные ветви были щедро увешаны разноцветными плодами. В своих пышных зелёных нарядах эти яблони выглядели королевами. Перед ними хотелось снять шляпу и почтительно поприветствовать.

Обход сада, как принято, завершился в уютной беседке вольным разговором обо всём, что волнует душу и занимает мысли. Ах, эти нешумные доверительные застолья под звонкий птичий щебет и жужжание надоедливых ос, не мешающих, впрочем, наслаждаться общением с милыми тебе людьми. Как же скучна без них жизнь!

День между тем потихоньку катился сказочным клубком по запутанным садовым дорожкам. И вот уже мне предложено лёгкое складное кресло для отдыха. Подставил разгорячившееся лицо под свежий ветерок. Сады, как зелёные омуты, вбирают нас в себя. Мы с наслаждением погружаемся в них. Расслабляем натянутые жизненной гонкой нервы, оставив на время суету. Садовые деревья врачуют нас и дают верное направление. Ведь они свободнее людей, несмотря на корни-якоря. Они занимаются предначертанным делом, не отвлекаясь по сторонам и не подчиняясь чужим влияниям. Не впадают в депрессию, потому что довольствуются тем, что есть. И спокойно отсчитывают кольца годов.

С самого утра серые тучи безостановочно бежали с запада на восток за далёкую отсюда Волгу. Пару раз даже капнуло. Но к вечеру ветер стих, и небесная картина стала меняться на глазах. Облака забелели. Пробивается синий цвет, чаще проглядывает солнце. Пора и в обратный путь.

Маминны пироги

Кто пробовал пироги моей мамы, тот на всю жизнь запомнил вкус тающего во рту хорошо пропечённого сдобного теста и всегда ароматной, в меру сочной начинки.

Казалось бы, не так и трудно испечь пирог. Рецептов хватает в любой кулинарной книге. Составные части, как правило, немудрёные. У мамы это были молоко, сахар, яйца, маргарин, растительное масло, дрожжи, соль, столовая ложка водки, ваниль на кончике ножа и мука. А начинка сгодится любая.

Вперёд, хозяйюшки!

Только вначале, по совету моей мамы, не забудьте вынуть на ночь из холодильника яйца и маргарин. И дрожжи проверьте на солонатовость. И тесто замесите не крутое, а мягкое, чтобы отставало от руки. И дырочку сделайте в центре, когда пирог ещё

подходит на противне. А когда вытащите его из духовки, не забудьте накрыть чем-нибудь лёгким.

И ещё с десятков мелочей не забыть бы.

Но даже самое строгое следование рецепту не гарантирует удачи. И приготовленный опытным профессиональным кулинаром пирог не всегда становится украшением стола.

Мама рассказывала, что первые свои пироги она, не дожидаясь прихода со службы отца, выбросила в мусорную корзину. Но моя мама училась искусству выпечки не жалея сил. Ей нравился сам процесс затевания пирогов. И очень хотелось порадовать близких людей.

Запомнилось её всегдашнее волнение, ведь любая мелочь могла свести на нет весь труд, начиная с бессонной ночи, поскольку приходилось вставать затемно, чтобы не упустить подходящее тесто. Она всегда оправдывалась перед гостями, мол, тесто не таким пышным оказалось, начинка немного подвела, надо было – вот не догадалась! – сделать по-другому, лучше.

Гости не очень-то прислушивались к этим сеговованиям. Они просто наслаждались редким угощением.

Мы переезжали с места на место, следуя офицерской судьбе отца, менялись наши домашние очаги, но румяные мамины пироги по-прежнему оставались самым желанным лакомством. Они были для нас маленьким семейным чудом, живой сказкой. Как бы ни шли дела, душа согревалась от ожидания очередных праздничных пирогов. Хорошо бы с курагой! Но и с яблоками хорошо, и с капустой...

Мама постарела, пироги затевать ей уже не под силу. Сменщиков, увы, не оказалось. Мы с женой попробовали пару раз и забросили – образ жизни у нас иной, всё что-нибудь мешает.

Жаль.

Семена жизни

Вышел из дачи в осенний сад. Ещё только половина восьмого вечера, а вокруг уже глухая ночь. Правда, наверху светло. Небо в ярких крупных звёздах. Большая Медведица венчает обрыв с северной стороны. Серп месяца застыл над южным горизонтом. Прямо над волжскими островами, на которых с утра опять загремят выстрелы охотников. Пока же слышен только отдалённый лай собак в посёлке и далёкий шум моторов на трассе. Да и они становятся всё глуше и глуше. Окружившую меня земную темноту подсвечивает лишь слабый свет из дачного окна. Он подчёрки-

вает нахлынувшее ощущение нереальности происходящего. Родной ли сад вокруг меня засыпает? Или я лечу вместе с ним куда-то в необозримом мерцающем пространстве?

Очевидно, эти мысли навеял межпланетный зонд «Вояджер-1». Через 36 лет после старта он вышел наконец за пределы Солнечной системы. Известие взбудоражило. Ведь это равносильно исходу наших пращуров из Африки. В конечном счете, они освоили всю планету.

Находившись по тёмному тихому саду, отправился тоже спать. Ещё раз окинул высокое небо. Его от края до края пересёк Млечный Путь. Сколько раз видишь его за жизнь? Сотни, если не тысячи. И каждый раз вытянутые в белую кисею неисчислимы звёзды поражают своей яркостью, кажущейся близостью и загадочностью.

В детстве послали с приятелем в Академию наук несколько наивных вопросов о Вселенной. И, к нашей радости, получили на них ответы, в том числе о том, что она бесконечна. Но вот, оказывается, бесконечна не Вселенная, а Вселенные, которые образуются всё новыми и новыми Большими взрывами.

Семена жизни носятся по рождающимся Вселенным, цепляясь за что удастся. Но прорастают не везде. На нашей планете волей случая проросли и растут. Учёные предполагают, что будут расти ещё миллиард лет. А потом? Да какое нам, живущим сейчас, до этого дело? Дело есть. Хотя бы потому, что знание по-прежнему – сила, а неизвестность притягивает так же, как и тысячи лет назад. И нам всё ещё небезразлична судьба наших детей, внуков, правнуков и всех дальнейших потомков до скончания веков.

Ах, крокусы...

В конце зимы, прихватывающей, как правило, и март, невольно затоскуешь от нескончаемых морозов и снегопадов. И тогда начинаешь всё чаще вспоминать о крокусах. Ждешь встречи с ними.

И вот апрель. Утром покрапывало. Но потихоньку тучи разошлись. Голоса птиц оживляют ещё пустынные садовые окрестности. Глазами быстро ощупываешь знакомое место. И вот они, крокусы, выглядывают из чёрной влажной земли. Не подвели. Их ещё зелёные остренькие макушки осторожно осматриваются. Недалеко от них красуются пышными плотными листьями тюльпаны. И стойчивые нарциссы высипали кружком. Но первыми зацветут маленькие нежные крокусы.

Несмотря на свою малость, крокусы цветут ярко,

открыто утверждая своё явление в мир. Это тоже трогает. Жаль, что долгожданное садовое чудо так быстро отцветает. Только что жёлтые и фиолетовые слегка озорные верхушки прямо из земли взмывали к солнцу. И вот они уже завяли, оставив вытянутые со светлой продольной полоской листочки, которые быстро затеряются в общей зелёной массе. В саду продолжает разворачиваться привычный порядок жизни. На смену неустойчивой весне спешит жаркое лето с другими прекрасными цветами.

Но взгляд ещё не раз скользнёт по заветному уголку земли. И пряткую тяпку всякий раз останавливаешь, чтобы не поранить в земле драгоценные луковички. Через год они опять порадуют душу.

Ехать в город? Или остаться?

Накануне Нового года природа приласкала замёрзшую землю пушистым снегом.

Ходил по зимнему саду и вновь удивлялся разнице между его летним буйством и зимней скромностью. Хотя, конечно, под снегом, в земле растения росли и готовились как раз побуйствовать. И всё-таки внешнее различие било в глаза, будоражило душу. Она жаждала жизни летней, цветущей, обильной впечатлениями.

Но зимой должен быть снег, как летом – зелень.

На улице ещё морозно, только яркое, румяное солнце, появившаяся слякоть на дорогах и мягкие под ногами тропинки не оставляли сомнений в близости весны.

На остановке в Красном Текстильщике опять увидел рыжего кобелька – доверчивого, терпеливо ожидавшего угощения, за которым он обращался к каждому подходящему. И он тоже рад весеннему теплу, бодро вертит хвостом в надежде на лишний кусок хлеба.

Сады и Волгу к обеду окутал туман. Сад ещё не проснулся. Кругом снег, грязь, вода. Но прошла неделя-другая, и уже фиолетовые крокусы и жёлтые гусиные лапки красуются на чёрной влажной земле.

Возле скворечника появился скворец. Он вовсю заывает самочку. Пищит, щёлкает, крыльями хлопает, дерётся с соперниками. «Ну, где же ты, хозяйшка? Дом готов. Я буду хорошим хозяином. Прилетай же!» Видно, его слова долетели до ушей птичьего бога. В следующий раз увидел скворца с червяком. Кому же? Ей, ненаглядной. Вон её клюв торчит в окошке. Скворец пощёлкивает умиротворённо. Порхает вокруг скворечника. И нам веселее. Пустой скворечник, как пустой дом на жилой деревенской улице, навеивает грусть.

А вот и яблони в цвету. Белый цвет забивает зелень листьев. Передо мной огромные белые шары на подпорках-штамбах. Аромат цветущего сада – пряный, дурманящий.

Иной скромный цветок, ростом с вершок, расцветает ярко, радостно. И притягивает взгляды как магнитом. На этот раз внимание перехватила небольшая куртина поздних жёлтых тюльпанов. Выросли сами. Несколько лет из земли выглядывали одни листья, ещё подумывал, не убрать ли, поскольку были в стороне от основных тюльпанных строчек. Наконец расцвели. Нежные, аккуратные, никому не мешающие и никем не заслонённые.

Поздним вечером подошёл к окну полюбоваться на зародившийся месяц – тоненькое начало серпа – и две яркие звезды – одну возле него и другую посередине небосклона. Засыпаю под щёлканье и трели неутомимых соловьёв.

Тепло, тихо, облака нехотя обнажают небесную синь. Смотрю, как настойчиво забурлившие соки раскрывают виноградные почки, как в них хозяйничает, разворачивая листочки, неукротимая тяга к жизни.

Прополол малинник. Тут же слетелись воробьи. Тянут из земли дождевых червей, слегка дерутся из-за них, чирикают, потом успокаиваются. Взлетели на ветку аморели и чистят клювики, вода туда-сюда головками с хитрыми бусинками глаз.

Невыразимая сущность бытия. Но как же хочется её выразить.

Ночью пошёл дождь и сеет до сих пор. С дорожек не сойдёшь. Но что такое грязь? Влажная земля. Её рабочее состояние.

Потихоньку тучи разошлись. Сад похож на зелёную шапку с белыми, жёлтыми, розовыми, фиолетовыми и бордовыми вкраплениями. Усыпанная красными цветами плетистая роза как нарядная красавица посередине бала. И как же больно выкорчёвывать уже набравший силу виноградный куст с завязавшимися гроздьями. Чувствуешь себя убийцей беззащитного существа, оказавшегося не на месте по твоему же расчёту.

Соседи уехали в город. Округа выглядывает вымершей. Вышел в ночной сад. Ветерок, разогнавший вечером комаров и принёсший бодрость, утих. Чистое звёздное небо. Луна за дубами. Тишина. Представил сладко спящего в своей городской кровати внука Тиму. Стало на душе теплее. И не так одиноко.

Дух ночи тревожит неопределёнными звуками. А дух рассвета ясен, как и рождающий его огромный оранжевый диск над восточным горизонтом.

Дух раннего утра лёгок, радостен. А дух зной-

ного летнего полдня, напротив, лишает бодрости и клонит в сон.

Дух сумерек дружит со сверчками. С их сверчением он и нисходит в сад, внося в него умиротворение.

Когда-нибудь жизнь в саду будет представляться мне райской, золотым веком.

Позвонил старший сын Кирилл и попросил подготовить мангал. Захватив младшего, Ванюшку, едет отмечать с нами рождение своего Никитки. Приехали поздним вечером и уехали за полночь. Ну, за нового внука! Сколько ему? И дня ещё нет. Если не считать девяти месяцев. Выпил за внука, и глаза повлажнели. Ведь кроха, живой беспомощный комочек.

Вчера дождь ходил-ходил кругами, тучами обкладывал, но не спешил показаться. Ждали его, ждали. Наконец пришёл. Спасибо! Уже пора и уходить. А он не торопится, как засидевшийся и надоевший гость. Всё собирается и каждый раз находит повод ещё задержаться. Того гляди и заночует. И завтра жить не даст.

Привлёк внимание необычный в позднее время крик птицы, зачем-то снявшейся с обжитой ветки и устремившейся в ночное пространство.

На утренней Волге чистая, спокойная вода. Береговые обрывы выставили напоказ свои древние пласты. А я раздумываю, ехать ли в город? Или остаться? Вот как далёк я от Гамлета. Ему бы мои сомнения – жил бы долго и счастливо.

Небо закрыто. Солнечные лучи вязнут в тучах, пытаюсь пробраться к земле. И как же радуешься, когда им удаётся заглянуть хотя бы в замочную скважину. Хотя всего пару дней назад они докучали.

Начало вечера. Воздушная стихия улеглась. Не жарко. Негромкие голоса вернувшихся соседей со всех сторон. Вокруг сплошное зелёное море. Июль – макушка лета.

А во мне зреет чувство новой свободы. В самом деле, и сад не может намертво привязать человека. Жизнь просторнее любого сада, даже райского. Пусть вся земля станет раем, мы всё равно будем стремиться за его пределы. Но вдруг представишь себя песчинкой в необозримом космосе. Душа замирает. А ход мыслей становится простым. Зачем рассчитывать и надеяться на несбыточное?

Опять закрапал дождик. Тихо, мелко, как хвойными иголками по коже.

Подростивший Тима заинтересовался обитателями сада. Говорит жуку-олению: «Пока, жук». Розе: «Привет, роза». Сидел на лавке под окном и повторял за мной: «Как хорошо! Цветы яркие! Бабочки порхают! Тень и ветерок!»

В душу вливается покой. И чего-то жаль. Лето уходит.

Пусть звучит дудук

Когда хочется немного отдохнуть душой, включаю нежную мелодию дудука. И с первых звуков доверчиво погружаюсь в её грустный переливчатый поток. Отчего же так завораживают сердце живительные звуки старинной армянской трубки, которую и в руках-то не довелось держать?

Под мягкое звучание дудука вспоминаю о коротких встречах, случайных разговорах с армянами. В жизни таких встреч и разговоров было немало.

Ещё в солдатские годы узнал от сослуживцев-армян, что на их родине в народные праздники всей семьёй идут вначале на могилы русских воинов, спасших армян от турецкой резни в начале XX века, и только потом идут к другим святыням.

А со студенческой газетной практики в далёкой степной Питерке запомнил добродушные сетования армянских строителей на то, что они всю жизнь работают на свадьбу и похороны – свадьба должна быть царской, а на могиле должен быть выстроен хотя бы скромный мавзолей.

Недалеко от моего дома среди разноцветных торговых ларьков стоит и будка сапожника. За открытым окошком – знакомое лицо ещё молодого, лет за тридцать, но уже грузноватого армянина, с утра до вечера колдующего над обувными колодками. Раз-другой в год сдаю ему в починку обувь. Работает он неторопливо. Но уж сделает на совесть. Однажды разговорился с ним об армянском хачкаре – вертикальным изображением креста. Такой крест-камень красуется в одном из сквериков недалеко от саратовской набережной. После этого здороваемся, встречаясь на улице.

На моей кухонной полке стоят два небольших кубка, искусно выточенных армянским мастером из оникса. Иногда наливаю в них коньяк, по возможности армянский, лучше которого для меня по-прежнему разве что французский.

И всё-таки не нахожу ответа, отчего так спокойно моей душе при негромких звуках этого незатейливого музыкального инструмента. Да и нужен ли ответ?

Пусть задерживает взгляды прохожих хачкар, приветливо открывается с утра окошко в мастерской знакомого сапожника-армянина. И пусть звучит печальный дудук, когда просит душа.

В сухой и тёплый день

Ходишь вокруг виноградных кустов, уже тронутых желтизной, пробуешь в задумчивости ягоды. Кажется, уже достаточно сладкие. Пора! Завтра за дело! Но завтра с утра всходит ещё жаркое солнышко. Решаешь немного подождать. Пусть ягоды сахара наберут побольше, вино будет крепче. А к вечеру вдруг прогнозы переменялись, предвещают дожди. Да и ночами уже холодно по-осеннему. Ладно, завтра начну.

И так промучаешься в нерешительности неделю-другую.

Но вот решение принято. День сухой, тёплый. Берёшь секатор и начинаешь аккуратно срезать успевшие прогреться чёрные плотные гроздья. Одну за другой, не спеша, мурлыча себе под нос какую-нибудь незатейливую песенку. Испытываешь редкое состояние душевного спокойствия.

Собранный виноград с такой же тщательностью перебираешь, давишь и отправляешь в бродильные баки. Какое-то время напряжённо ждешь, когда же придёт в движение вся эта разнородная масса. Наконец в очередной заход в винодельню видишь, что сусло уже забродило, закипело, с ходу набирая силу. И на душе становится легче.

Несколько раз днём, в полночь и ранним утром заходишь мешать мезгу, погружая её большой деревянной ложкой в неукротимо бурлящую материю. Недели через две шапка начинает потихоньку опадать. Молодая винная вселенная, охлаждаясь и замедляя движение, переходит в более устойчивое состояние. Вскоре брожение останавливается. И несколько десятков литров домашнего красного сухого вина оказываются в погребе. Пусть спокойно созревает сколько отпущено судьбой.

А пока полкружки вина нового урожая! Конечно, оно ещё грубовато на вкус. Но в молодости все немного грубовато. Поэтому в выдержке нуждаются и вино, и люди.

Дальше пойдёт сливание с осадка – в середине ноября, в марте, в начале лета... Каждый раз снимаешь пробу. И каждый раз замечаешь, как твоё вино неудержимо взрослеет, увя, старея. Цвет становится гранатовым, винные ножки маслянистее, запах тонким, неопределённым в своём разнообразии, а вкус в меру терпким.

Доброе вино дарит человеку ощущение безмятежного блаженства. В такие минуты с особенной силой веришь, что красота и в самом деле спасёт мир. Жизнь устоялась, и пусть будет нам в радость.

Буданова гора

Едешь из Саратова в сторону Красного Текстильщика. Мимо проплывают старинные сёла. Сквозь обступившие дорогу посадки проглядывают яблоневые сады, поля и овраги. Иногда вдали покажется Волга с островками. И вдруг среди равнины возникает гора с плоской вершиной. Народная молва, как принято в наших краях, связывает название горы с разбойником Буданом, спрятавшим награбленные сокровища в её недрах. Многие их искали, но, как водится, не нашли. Гора манит к себе. Заезжаю на неё по пологому южному склону.

Может быть, Буданова гора была когда-то островерхой. Но проходивший мимо в весёлом настроении воин-великан, играя силушкой, смахнул мечом её верхушку. Прошло время. Срез затянулся разнотравьем. Ямы от ног великана, сплывавшего, видно, победный танец на месте своего богатырского взмаха, укрылись кустарником, дикими яблонями и грушами.

Сверху видно и блестящую на солнце великую реку, и белые высоты Саратова, и рассыпанные тут и там пёстрые кубики сёл и дачных посёлков, и серый пояс железной дороги, и широкие зелёные долины, сбегающие к той же Волге. Кажется, стоит раскинуть руки, и ветер унесёт тебя прямо к густым облакам. Оттуда, верно, увидишь сразу половину Земли.

Но постепенно нарастает чувство тревоги. Вокруг никого. Сильный ветер глушит звуки. Привычный мир, из которого только что приехал, начинает отстраняться от тебя, становится далёким, чужим. Какое ему дело до разгуливающих по одинокой горе на одной высоте с парящими птицами? И уже хочется вниз, где не сорвёшься, зазевавшись, с обрыва.

С дороги Буданова гора напоминает и заколдованную голову богатыря из пушкинской сказки. Дышит, живёт, но не может сдвинуться с места, храня в себе тайну своей и общей жизни.

У прилавка с сушёными фруктами

Обычный прилавок в современном продуктовом павильоне с высокой стеклянной крышей. На узких полках разложены сухофрукты и пряности. Мимо проходят озабоченные хозяйки, не обращая особого внимания на выставленные лакомства. А у тебя разбегаются глаза.

Конечно, разноцветные цукаты из корок дыни и арбуза, чернослив с масляным отливом, слад-

чайший урюк, светло-серый загадочный инжир, россыпи изюма всех цветов и размеров, смеси сухофруктов из яблок, слив, груш и вишни тебе хорошо знакомы. Но твой личный вкусовой опыт растворяется у прилавка, над которым время, кажется, замерло. Библейская смоква, или инжир, финики, курага и их соседи по полкам тешат людей с глубокой древности. Верблюжьи караваны и парусники с просмоленными бортами без усталости перевозили из одного края света в другой тщательно упакованные тюки с плодами жизни. Правда, о них говорят куда меньше, чем о поднятых со дна моря античных амфорах и статуях. Они ведь не исчезали и остались такими же, как и в те давние времена.

От пряностей голова идёт уже кругом. Драгоценные стручки ванили, рогатый имбирь на все случаи жизни, бодрящая корица, ароматный кардамон, целительный чёрный тмин, жгучая гвоздика, заветный шафран! Чудится в них, изысканных и дорогих, блеск сокровищ из сказочных пещер. Редкие в наших кухнях зира, пажитник, куркума и кунжут соседствуют с привычными красным перцем, анисом, кинзой, барбарисом, укропом, петрушкой, мятой и базиликом. И ещё с десятком-другим перетёртых в порошок и заманчиво пахнущих растений, помогающих блюдам раскрывать свои вкусовые богатства. Все они надёжно хранят память о летней огородной зелени.

С трудом отрываешься от созерцания волшебных полок. Кажется, веет от них лёгким ароматом плова и тонким запахом выпечки.

Наконец встречаешься глазами с уже знакомым улыбающимся хозяином прилавка. Ему лет сорок. Невысокий, со смуглым круглым лицом, и сам весь округлый, уютный. На голове его неременная тубетейка. В праздничные дни он бережно держит в руках раскрытый Коран. Обходительный, уступчивый, желающий здоровья, от души благодарящий за покупку и с готовностью выходящий из-за прилавка, чтобы помочь уложить её в пакет. Он тоже напоминает торговца из восточных сказок. Для полного сходства ему не хватает разве что полосатого халата и платка вместо пояса.

– Салам алейкум, Зариф!

– Алейкум салам, дорогой! Что пожелаете?

Возможность горизонта

Вышел рано утром из зелёной садовой лагуны и налегке отправился к манящему небосклону. Радость охватила, стоило только пройти несколько ша-

гов по мягкой песчаной колее, поросшей невысокой травой. Небо хмурое, но солнце золотит восток.

Говорят, что до горизонта, если его видимую линию обозначить каким-нибудь деревом или холмом, всего километра три-четыре. Но дойдёшь-то до дерева или холма, горизонт по-прежнему будет впереди. Он похож на взрослого человека, протягивающего ребёнку игрушку, побуждая его двигаться. Каждый раз, когда маленькая рука готова схватить забаву, игрушка отодвигается дальше. И человек опять идёт вперёд, слегка покачиваясь на ещё слабых ножках.

Во время праздной одинокой ходьбы мысли приходят самые неожиданные. Вспомнилась вдруг сцена из недавнего фильма «Ной», в которой небесные стражи говорят: «Мы поможем этому человеку построить ковчег». Подумалось, что всегда найдётся человек, которому стоит помочь.

Дорога вьётся между холмов. Холмистая местность. Звучит обыденно. Но вот несколько холмов расположились друг за другом наискосок, и я увидел сразу несколько горизонтов. По одному над каждой верхушкой. Образовалась своего рода прерывистая линия, ведущая к всё более далёким горизонтам.

Как-то разговорились с приятелем о годах и болезнях. Увы, они берут своё незаметно и необратимо. Порассуждав, пришли, однако, к выводу, что дело не столько в годах и болезнях, сколько в ясности мышления, которое редко кому удаётся сохранить до глубокой старости. Но обнадеживает, что кому-то это удаётся.

Ещё говорят, что горизонт всегда у нас под ногами. Только это чужой горизонт. Может, и наш под чьими-то ногами, да за расстоянием не видно. Поэтому горизонт всегда выглядит чистой линией, пусть изломанной холмами или даже горами.

Это как счастье. У каждого оно своё. Например, для жителей Фарерских островов, по их словам, счастье невозможно без тишины, душевного спокойствия, размеренной понятной жизни. Они хотят точно знать, что будут делать через полгода в четверг. Другие бы от такого счастья заскучали. И всё-таки у каждого оно связано с радостными ощущениями.

Прошёлся немного берёзовой рощей вдоль дороги. Сквозь зелень листвы проглянули лёгкие белые облака на голубом небе. Задышалось легко, пахло лесной свежестью. В высокой траве заметил стайку кормящихся скворцов. Застучал дятел по стволу. Слово отбойным молотком прошёлся. Рядом со мной неожиданно «крякнула» иволга и тут же выдала короткую мелодию на флейте.

И опять вышел на припорошенную пылью дорогу.

Наконец она вывела на высокий волжский берег. Великая река широким блестящим под солнцем полотном уходила на север и юг. Кажется, вместе с рекой взгляд дошёл бы до соседних городов, а там и до дальних. За спиной раскинулась давно обжитая земля. А за Волгой – бескрайняя степь. Днём перед бредущими по ней пастухами колышутся марева, а ночью они видят со всех сторон мерцающие таинственные огоньки.

Видения в осеннем саду

В поздний осенний день, ещё светлый, не слишком холодный, но уже пустынный, в саду бывает как наяву увидишь родных тебе людей, гулявших, хлопотавших здесь погожим летним временем.

То почудится, что Тима пробежал с палочкой в руке, что-то, как обычно, напевая. Куда он бежал? Наверное, к качелям за баней. Там, в тени яблонь, его ждут улыбающийся двоюродный братик Никитка с большим мячом в руках и добродушный шарпей Ричи, устроившийся на прохладной травке.

Собираешь упавшие недозрелые зимние яблоки и на автостоянке из щелби с проросшей травой вдруг представишь Ванюшку, неторопливо укладывающего в багажник рыболовные снасти.

Посмотришь в сторону холма, погрезится, что под дубом возится с жуками-оленьями «дядя Боря», приехавший погостить на недельку из далёкой Эстонии. В руках у него фотоаппарат с внушительным объективом.

Воображение разыгрывается. Стоило подойти к беседке, как показалась жена, несущая на большом подносе завтрак для меня. Невольно дёрнулся, чтобы помочь ей спуститься по крутым ступенькам террасы, но видение растаяло.

Зато беседка за спиной наполнилась голосами. Отчётливо донёсся добродушный со смешинкой голос свата, к нему добавились жизнерадостные интонации сваты, тонкие, по сути, девчоночьи восклицания невесток и густой баритон Кирилла. Обернулся, но только виноградные подсохшие листья прошелестели под порывом ветра.

Вспомнилось, как украсил наши застолья в беседке старинный абхазский кувшин для вина, доставшийся от приятеля.

Где они, дни семейных сборов с приятными хлопотами, и дни разъездов, напоминающие иной раз итальянскую комедию с её суетой и неразберихой?

Давно растаял в зелёных окрестностях дым от мангала. И дым из банной трубы достиг, навер-

ное, высоты, к которой он раз за разом настойчиво и бодро устремлялся.

В вечернем саду тихо. Доносится только слабое стрекотание редких осенних сверчков.

Простые радости и горести

Вернулся из мартовского сада. В саду ещё сплошной снежный полог. Увидев меня, к веранде подлетели воробьи. Порхали по перекладинам и бельевым верёвкам, чирикавая в ожидании хлебных крошек. Отзимовали. Когда обходишь тихие дачные комнаты, готовые к новой летней жизни, душа щемит. Сад по-прежнему самое безгрешное место на земле.

Вечером с младшим сыном ловили рыбу на спиннинг в устье Хмельёвки. Старый камыш срезан льдом. А новые макушки ещё только вышли из воды. Заходящее солнце искало в высоком правом берегу любую щель, чтобы протянуть подалее свои оранжевые пальцы. Сын, рыбацкая душа, раз за разом закидывал спиннинг. А мне достаточно было вновь почувствовать волжскую безлюдную ширь.

Внук может разбросать игрушки, поозорничать, посвоевольничать. Но вот пошли мы с ним вечером гулять. Долго раскачивал его на качелях. Наконец он поинтересовался, почему я перестал приезжать к нему по вторникам и четвергам. Объяснил, что зима прошла, дела в саду появились. «Тогда я буду ждать зимы». Потом неожиданно спросил: «А ты меня любишь?» – «Конечно». – «И я тебя люблю». Наигрались, пошли не торопясь домой.

В день рождения Пушкина открыл «Евгения Онегина». Перечитал письмо Татьяны, последнее объяснение с ней Онегина, вернее, последние слова Татьяны ему, молча стоящему перед ней с напрасной мольбой в глазах, и вновь почувствовал наворачивающиеся слёзы.

Дождь в саду.

Дождь в душе.

Вдруг, ниоткуда, солнца луч!

Аромат жизни. Это как бокал домашнего вина, впитавшего одно солнце с тобой, дышавшего одним с тобой воздухом. Или как влекущий запах чечевичной похлёбки, встречающий тебя у порога вестником ещё одного тихого домашнего вечера в кругу семьи.

Поехал с утра на кладбище. Навёл порядок на могилах отца и бабули. Посидел возле оградок,

посмотрел на родные фотографии, повспоминал.

На обратной автобусной остановке приветливая сверстница заметила у меня на спине гусеницу и заботливо сбросила её.

– Да она же не съест!

– Всё равно, неприятно же.

Позвонила невестка, сообщила, что у внука разболелось ухо. Бедняга. А мы-то считали, что они всей семьёй гостят у своих друзей. Вот так думаешь, что солнце светит, посмотришь в окно, а там дождь осенний по стёклам сечёт.

Всю жизнь человек размышляет о том, что он делает не так. Но что, собственно, простой человек может сделать дурного? Да многое, каждый это знает, но делает, греша потихоньку, как правило, себе же во вред.

Просматривая в гостях семейный альбом, невольно задержался на одном из снимков. Пожилой человек сидел в окружении молодых людей с распахнутыми, светящимися глазами. В них отражались их надежды, чувства, даже черты характеров. А его глаза выглядели потухшими и смотрели вниз, выпадая из общего светлого потока.

Раздумья о старости прорастают даже сквозь счастливые мгновения. Дашь слабину, и они явятся во всей своей унылости, неприглядности. Хотя, чего греха таить, уныние охватывает чаще всего от безделья. Недаром же людям заповеда-но трудиться в поте лица своего.

Впрочем, люди всегда о чём-то грустят, даже когда смеются.

Как рождается страсть

Друг пригласил на первую выставку своих фотографий. Правда, живёт он в Эстонии, не доберёшься. Но весь его путь к выставке у меня как на ладони.

Вот случай, когда с детских лет возникший интерес к птицам, животным, населявшим лесные заросли вокруг села, в которое он приехал к родне на летние каникулы, постепенно перешёл в жажду познания окружающего мира, перешедшую наконец в неистребимое желание запечатлеть потаённую жизнь его обитателей. Все увлечения моего друга, а их было немало, вели его в этом направлении. И спортивное ориентирование, и увлечение поделками из дерева, и тем более захватившая его на многие годы охота – всё это было лишь подготовкой, оттачиванием глазомера, приобретением необходимых навыков.

Как рождается страсть к творчеству?

Сдаётся, что она рождается вместе с нами, но дремлет где-то внутри нас до поры, пока счастливый случай не разбудит её и не выпустит на волю.

Не знаю точно, когда мой друг взглянул на белый свет новыми глазами. Но помню, что в очередной приезд в наш сад он вытащил из дорожного рюкзака скромный цифровой фотоаппарат, подошёл к цветущей монарде и стал не спеша снимать пчёлку, хлопотливо собирающую нектар. Постепенно техника усложнялась. Росло и умение поймать особенный поворот головы какой-нибудь пичужки, передающий нечто общее для всех живых существ.

Приезжая в гости, мой друг обвешивается фотоаппаратурой и по-охотничьи мягко скрывается в дачных окрестностях. Он отправляется «сохотить» жука-олена, которые не водятся на его второй родине, или удода с гордым и умным взглядом, водяную змейку, осторожно приподнявшую над водой точёную головку.

Что заставляет человека стоять по колено в холодной быстрой реке и целый час снимать ящерицу, греющуюся на прибрежной коряге? Распластавшись прямо на земле под палящим солнцем, ловить и ловить объективом бабочек, слетающихся на соль? Сидеть днями напролёт в болоте в тяжёлой непромокаемой одежде с москитной сеткой на лице, чтобы запечатлеть камышовку над её гнездом или цаплю, расправляющую крылья перед взлётом?

Однозначно не ответишь. Но проснувшаяся творческая страсть уже не даст человеку заснуть.

Представил развешенные по стенам небольшого краеведческого музея фотографии своего друга. На них – портреты обитателей лесов, болот и лугов. К ним подходят жители городка. Они улыбаются, открывая для себя новое в привычных и незатейливых сюжетах из жизни свиристелей, филинов, лосей и зайцев.

История одного листка

Листок яблони появляется из весенней почки, подобно младенцу из материнского лона. И вынашивается он почкой столь же долгий срок. Листок появляется на свет нежно-зелёным, липким, пахучим и остаётся преданным яблоне до конца своих дней. Он жадно вбирает в себя идущие из земли соки и льющий сверху солнечный поток. И неудержимо растёт, набираясь сил для предстоящего ежедневного труда. В этом он больше похож на прежних деревенских ребяташек. Они недолго играли в куклы и салки, быстро впрягались в общий семейный воз.

Большому тёмно-зелёному листку забот и хлопот хватает. На его попечении яблоня, её плоды, требующие питания, свежего воздуха и солнечных лучей. И листок трепещет, носится с веткой по ветру, глотает пыль, омывается дождями, терпит острые птичьи коготки.

Случаются у него и тихие часы отдыха, когда воздух замирает, погружая всю садовую округу в состояние райского блаженства. Тогда он счастлив и радуется, как может радоваться только оставший листок.

Между тем плоды налились, начинают желтеть и краснеть. Подходит наконец пора их сбора. На изработавшемся листке проступают коричневые пятна. Он уже не так упруг, скорее жестковат и хрупок. Наступает осень и его жизни.

Ему есть о чём вспомнить. А многих его братьев и сестёр давно нет рядом. Кого-то съели гусеницы, других унесло июльским штормовым ветром, кто-то оказался на ветке, мешавшей садовнику.

Солнечные лучи греют слабее, ночной холод ощущаемее. Зябко листку, он чувствует свою бесполезность. Рядом с ним выросли и заматерели новые почки. Плодов уже нет, а новым почкам, бережно вынашивающим будущие листья, он не нужен.

Но листок, как и человек, не уходит из жизни по собственному желанию. Для этого требуется сильный порыв ветра, долгий осенний дождь или ударивший ночью мороз. И тогда листок отрывается от ветки и падает вниз.

Как и люди, он просто падает на землю там, где его застала смерть. Он не летает, кружась, подобно киношным героям, успевающим перед падением совершить несколько картинных телодвижений. И если его подхватит ветерком, что ж, пусть люди полюбуются его кружением. Листку всё равно.

Взял такой листок, занесённый в угол террасы, в руки. Коричнево-палевый, сохранивший свою форму, но уже наполовину просвечивающий от ветхости. Похожий на все остальные листья, покрывшие землю в ноябрьском саду.

Умыл руки

В начале весны в сад заглянула небольшая ладная серая кошечка. Побродила между кустов смородины с зазеленевшими почками, делая вид, что охотится. Но, не дождавшись моего угощения, замыкала, стала тереться о ногу.

В другой раз она припоздала и только облизнулась, с досадой глядя на мой уход.

Наступило сытое привольное лето. Заметно прибавилось дачников, всегда готовых угостить от своих щедрот и прохожего, и кошку, не важно чью. Среди белых, рыжих, чёрных и прочих хвостатых и пушистых, шныряющих вокруг, несколько раз показывалась и серая кошечка.

Однажды я услышал призывное мяуканье возле крыльца. Вышел из дачи и увидел её со встревоженным, напряжённым взглядом.

Я не приваживаю кошек, тем более уличных, мало ли что. Внукам для игр хватает и соседской Аськи, на редкость спокойной трёхцветной красавицы. Поэтому не стал церемониться с незваной гостьей, выпроводил за ворота. Она всё так же настойчиво мяукала и за воротами, заглядывая мне в глаза. И ещё долго мяукала уже после моего возвращения во двор.

Серая кошечка явно нуждалась в помощи. И, едва смолкло зовущее мяуканье, как я стал искать себе оправдания, приговаривая, что безответственно приручать тех, за кого мы не сможем потом отвечать. Только ведь серая кошечка не набивалась в нахлебницы. Она всего лишь просила помочь. Скорее всего, в помощи нуждались её народившиеся котята. Да и прогнал я её, чего уж там, просто потому, что не захотел лишних хлопот.

Этим летом серую кошечку я больше не видел.

В Монастырском

Довелось заехать в село Монастырское, родину известного советского писателя Михаила Алексеева. Первый же встречный на вопрос, а где здесь дом Алексеева, ответил: «Да я в нём живу».

Бывший дом героя труда и лауреата многих премий и наград со всех сторон окружён густыми рядами картофеля. В большом кирпичном квадратном здании, выделяющемся среди обычных деревянных домов, когда-то было одиннадцать окон. Половина их заделана. Хозяйка объяснила: «Он стихи писал, ему света больше надо было, а нам к чему столько окон?»

До этого в доме, уже после Алексеева, жил председатель местного колхоза имени Горького. Литературному классику посередине площади поставлен памятник – молодой Горький с книгой в руке, с развевающимися волосами, стройный, высокий, бодро смотрит вдаль и одновременно на дом Алексеева.

А вокруг пустой в ухабах площади деревенское безлюдье, серые незавидные постройки. Село

доживающее. Уже закрыта школа, а с ней и школьный музей с алексеевскими экспонатами.

Не знаю, где писал Алексеев своих «Драчунов», но трагедия голодомора, о которой он рассказал на страницах романа, разворачивалась вот на этих пыльных улицах, окрепнувших было и захиревших уже при продовольственном изобилии.

На этой изъезженной, истоптанной земле страдала верная Журавушка, здесь тянула свой тяжёлый воз старая, ленивая, но надёжная кормилица Карюха, где-то должен быть и Вишнёвый омут в протекающей рядом речке. Может, смотрелись в него, волнуясь от влекущей тайны, и эти две девушки, спокойно, весело переговариваясь, прошедшие по своим делам за околицу.

Я не нашёл алексеевского «гнезда». В его доме, о котором писатель при жизни тепло вспоминал, живут случайные люди. Канул в Лету и окружавший его, казалось, на века колхозный мир.

Но заросли деревьев вокруг села по-прежнему густы и зелены. На песчаной речной отмели привычно играют дети. Далеко вокруг раскинулись поля новых хозяев сельской жизни с колосающейся пшеницей, кормовыми травами и подсолнухами. Они весело смотрели после прошедших дождей в чистое голубое небо.

Смерть Пегаса

В далёкие советские времена моего отца, офицера-пограничника, перевели служить на заставу, стоявшую на украинском берегу Западного Буга. Застава была обособленным миром. Но он сообщался, например, с миром колхозным. Колхозникам разрешали косить густую высокую траву в заливных лугах нейтральной зоны. Взамен они снабжали пограничников мясом, салом.

Однажды на заставу привели списанную колхозную лошадь по кличке Пегас. Он был весь в рыжих и коричневых пятнах. И был очень худ. Одни кости да кожа. Мне объяснили, что его откормят и пустят служебным овчаркам на мясо.

Несколько раз в день я выпрашивал у матери и приносил в летнюю конюшню хлеб и сахар. Пегас аккуратно брал их с моей ладони нежными трепетными губами, встряхивал головой, с одобрением, как мне казалось, поглядывал на меня. Поначалу я с опаской посматривал на его огромные жёлтые зубы. Но вскоре привык. К строевым коням подходить запрещалось. А возле него можно было постоять, дотянуться и погладить ладонью его бархатную щёку.

Он был обычной рабочей конягой, тихой и нетребовательной, привыкшей к ежедневному хому. Но постепенно взгляд его веселел, бока округлялись. Во время учений на границу отправилась большая группа солдат. Лошадей не хватило, и оседлали Пегаса. Возвращаясь, устроили соревнование – кто быстрее доскачет до ворот. Отъевшийся Пегас обогнал пограничных лошадей. Я радовался за него, во мне зародилась надежда, что, может, его оставят и он будет служить как все.

Выйдя как-то утром на хозяйственный двор, я увидел солдата с понуро стоявшим возле него Пегасом. Одной рукой солдат придерживал его за поводья, в другой держал пистолет. Потом приставил дуло к замершему лошадиному уху. Пегас не дёрнулся, не вскинул голову. Он всё так же понуро стоял, поджав ногу. Прозвучал негромкий хлопок. Когда я подошёл, Пегас уже лежал на боку, подмяв под себя редкую сухую осеннюю траву и вытянув голову с застывшими равнодушными глазами. Во двор заходили ещё солдаты, чтобы разделать тушу.

Над сосновым лесом за полем всходило, как всегда, солнце. За забором, возле жилого корпуса заставы, слышались командные голоса. Всё вокруг было обыденно, спокойно. Только вороны кричали громче обычного, видимо, возбуждённые скорой поживой.

На заставе все хозяйственные дела совершались открыто. В свои шесть лет я уже видел, как отрубали топором головы успокоившимся курам, вбивали штык-нож в горло визжавшей свинье. Поэтому не заплакал при виде поверженного Пегаса. Развернулся и пошёл домой. Но меня смущали новые, горькие чувства. Ведь куры и прочая живность для солдатской кухни были мне чужими, как пойманная в Буге снулая рыба или дерущиеся из-за хлебных крошек воробьи. Я не относился к ним по-товарищески. А о Пегасе заботился и всем сердцем желал ему лучшей доли. В его убийстве была жизненная необходимость, оправданность. Я понимал это, несмотря на свои малые годы. Но была в его смерти и явная для меня несправедливость, нечестность по отношению к простому коню, который стал скакать быстрее строевых.

Мне было жалко Пегаса. Мне его и сейчас жалко. Руку солдата, приставленную к уху обреченно стоявшего коня, и хлопок пистолетный помню, как будто это случилось вчера.

Лёгкий стук молотка

Дождь шёл всю ночь и утро. Стоило ему утихнуть, как всегда бодрая воробьиная семейка, деловито чирикающая, тут же устроилась на проводе напротив лоджии. Мокрый сад по-своему хорош.

Когда опрыскивал клубнику, подлетела пчёлка, села на верхний ободок стоящей под краном лейки, чтобы попить. И когда я лейку понёс, она всё ещё пила воду.

Перед баней сидит, нахохлившись, птенец. Судя по молча порхающему рядом чечету – его. Маленький замерший пушистый комочек в ожидании помощи.

Трясогузка по-домашнему похаживает в беседке, покачивая хвостиком и не обращая на меня внимания.

Уже и зимние яблони доцветают, и поздние жёлтые тюльпаны. Виноградные кусты пушатся – больше там, где солнечнее, теплее.

Хожу, что-то делаю, а сознание витает как бы вне меня, само по себе, со стороны осмысляя мою жизнь.

Не представляю её без садовой зелени, немолчного щебетанья птиц, ласковых солнечных лучей или умиротворяющего постукивания дождевых капель.

Не могу жить и без постоянных размышлений обо всём на свете, начиная с домашних рыжих муравьёв, так докучавших одно время, и заканчивая загадками Вселенной, не дающих спокойно спать астрономам.

Тянет к мудрецам и талантливой молодёжи.

Недавно весь день переписывался по электронной почте с писателем Ириной Сотниковой из Крыма, сказавшей, что мир изменился везде, в каждой точке, и он больше не измеряется деньгами. Тем временем сварил густую ароматную гороховую похлёбку и картофель испёк к приходу жены со службы.

Сегодня я один. Грустновато. Но разве я не винодел? И у меня в погребе нет вина? И вот передо мной бокал с вином, кусок сыра с домашним хлебом. А вино недурное – терпкое, с молодой горчинкой, свежее. И грусть потихоньку испаряется. Вновь ощутил в себе и вокруг сладостный ток жизни. Его легко нарушить лёгким стуком молотка по дереву. И невозможно прервать грохотом железных исполинов, взлетающих с заволжского аэродрома.

Перед заходом солнца напоследок осветило сад. Воздух ещё потеплел.

Виктор Владимирович БИРЮЛИН

родился в 1951 году в городе Астаре Азербайджанской ССР.

Окончил филологический факультет

Саратовского государственного университета.

Автор сборников литературно-критических статей,

книг публицистики, эссе, рассказов.

Печатался в журналах «Волга», «Москва»,

«Наш современник», «Молодая гвардия» и других.

Член Союза писателей России с 1988 года.

В журнале «Север» публикуется впервые.

